

О.И. Федотов

ОБ ЭМФАТИЧЕСКИХ ОРЕОЛАХ ДАКТИЛЯ У ВЛ. ХОДАСЕВИЧА¹

В статье рассматриваются эмфатические ореолы дактиля в лирике В. Ходасевича. Последовательный анализ шестнадцати текстов показал: и короткие, и длинные, и разностопные дактилические размеры у Ходасевича ассоциируются с элегическими мотивами, беспросветной минорной интонацией со всеми сопутствующими ей приметам как внешнего, так и внутреннего мира: мрачным, пасмурным освещением, несмотря на весну и на присутствие солнца или «светлых лучей», сопровождающих ангелов, мотивами расставания с жизнью, иронической модальностью горького веселья. Некоторое своеобразие имеют 5- и 6-стопные дактили как имитации античных размеров: гекзаметра и элегического дистиха.

Ключевые слова: дактиль, Ходасевич, эмфатический ореол, минорная интонация, элегическая грусть.

The article deals with dactyl's emphatic halos in V. Khodasevich's lyrics. Consistent detailed analysis of sixteen text sequences has revealed the following: both the short and long of Khodasevich's dactylic meters are associated with elegiac motifs, cheerless pitch-dark melancholic intonation, with its attendant signs of both the outer and inner worlds: gloomy, overcast lighting despite the spring and the presence of the sun, or "light rays" accompanying angels, the motifs of parting with life, the ironic modality of bitter mirth. 5- and 6-foot dactyls have certain originality as imitating ancient meters: hexameter and the elegiac distich.

Key words: dactyl, Khodasevich, emphatic halos, melancholic intonation, elegiac sadness.

Трехсложники с постоянной анакрузой, иначе говоря, дактиль, амфибрахий и анапест в чистом виде, у Ходасевича представлены на редкость пропорционально: по 16 употреблений, что составляет по 3,9% от общего количества стихотворений в БСБП.

¹ Статья представляет собой часть комплексного обследования стихопоэтики Ходасевича (а именно метрики, ритмики и строфики) на усредненном материале сборника большой серии «Библиотеки поэта» [Ходасевич, 1989] с целью установить жанровые, тематические, образные и эмфатические предпочтения поэта, оперирующего соответствующими стихотворными формантами. К настоящему времени опубликовано семь статей, перечисленных в списке литературы. Кроме того, 7 декабря 2010 г. на Всероссийской научной конференции «Русская поэзия: проблемы стиховедения и поэтики» в Орле был прочитан доклад «Об эмфатических ореолах 5-стопного хоря в лирике Владислава Ходасевича», подлежащий публикации. Тексты Ходасевича цитируются по упомянутому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Дактили распределяются по пяти размерам:

1. Самый короткий 3-стопный стих использован в пяти стихотворениях: «Достижение», 4 («О золотое светило!..») (18—19 января 1905), «Ангелы» («Близкие, нежные тени...») (29 марта 1905), «Одинокая» («Съежился, скорчился мир мой...») (25 июня 1907), «Весна» из миницикла «В немецком городке» («Весело чирик поет...») (январь 1914) и «Слышать я вас не могу...» (7 ноября 1921 Петроград). Несмотря на относительную краткость, этот размер несет с собой традиционную для дактиля беспросветную, минорную интонацию со всеми сопутствующими ей приметам как внешнего, так и внутреннего мира: мрачным, пасмурным освещением, несмотря на присутствие солнца (с. 204) или «светлых лучей», сопровождающих ангелов (с. 206), мотивами расставания с жизнью: «Жизни иголка слепая // Тонко и больно кольнула» (с. 225), предчувствия скорой смерти: «Я умираю от ран» (с. 204), одиночества, отгороженности лирической героини от жизни: «Съежился, скорчился мир мой // В жизни простой и безбурной. // Я отгорожена ширмой, // Не золотой, не лазурной» (с. 225), уподоблением голоса лирического героя волчьему вою: «Волком бы лечь на снегу! / Дыбом бы шерсть на спине!// Белый оскаленный клык // В небо ощерить и *взвыть* — // Так, чтобы этот язык // Зубом насквозь прокусить...» (с. 153), парадоксальным горько-ироническим осмыслением происходящего.

Вот, к примеру, «Весна», лирический весенний этюд, порожденный соответствующим настроением, которое, казалось бы, просто невозможно ничем омрачить. С первого до последнего слова поэт насыщает его традиционно «мажорной» лексикой (все-таки «Снова весна настаёт»): «Весело чирик поет // В маленькой ивовой клетке. // Снова весна настает, // Бойко судачат соседки: // «Нет, не уйдешь от судьбы: // Всё дорожает картофель!..» // Вон — трубочист из трубы // Кажет курносый свой профиль... // К шляпе приделав султан, // В память былого, от скуки, // Учит старик Иоганн // Деток военной науке. // Плещется флаг голубой, // Кто-то свистит на кларнете... // Боже мой, Боже ты мой, — // Сколько веселья на свете!» (с. 232).

На поверку, как, однако, выясняется, речь идет о наступлении весны в маленьком немецком городке, если еще не переживающем военные события, то исподволь уже готовящемся к ним. Легко представить себе «веселье» чирика, заключенного в «маленькую ивовую клетку». Не меньше отчаянной «веселости» и в глубоко-мысленном умозаключении обывателя: «Нет, не уйдешь от судьбы: // Всё дорожает картофель!..». Султан к шляпе старика Иоганна приделан, оказывается, «в память былого, *от скуки*». Вряд ли в мажорной тональности «кто-то свистит на кларнете». Вот почему итоговый

пуант стихотворения звучит с плохо скрытой издевательской иронией: «Боже мой, Боже ты мой, — // Сколько веселья на свете!» (с. 232), в сущности, переиначивающей пронзительную гоголевскую печаль: «Скучно на этом свете, господа!» [Гоголь, 1976: 227].

2. Точно такую же порцию, в пять стихотворений, составляют «длинные» 4-стопные дактили. Как и «короткие» трехстопники, они отчетливо циклизуются благодаря своей тематической, а главное эмфатической близости музе Некрасова, возможно, через посредничество Блока. Самое первое стихотворение, написанное этим размером, «Я опьянялся цветами мирскими...» (13—14 января 1905 г.) сохраняет следы ученичества и в то же время обнаруживает предпосылки стилевой доминанты зрелого Ходасевича — архаизации языка (прежде всего в лексике, стилистике и даже в грамматике): «Я опьянялся цветами мирскими, // Воздух и блески я жадно внимал, // Жил воедино с волнами морскими, // Вместе с людьми ликовал и страдал. // О, колебанья несметных случайностей! // Был я натянут послушной струной, // Отдал я дань обольщению крайностей, // Был я игрушкой... Но стал я — иной» (с. 201). Вместе с тем молодой поэт, не вполне еще определившийся мировоззренчески, охотно обыгрывает идеологемы символизма: «Знаю — увижу я Вечные Грани², // Знаю — пойму я Предвечный Закон. // Муку печальную прежних скитаний // Вспомню я грустно. И путь мой свершен» (там же).

Не слишком сильно отличается от него и «Пролог неоконченной пьесы» (12 декабря 1907, Москва); недаром оно посвящено Андрею Белому³: «Самая хмельная боль — Безнадежность, // Самая строгая повесть — Любовь. // В сердце поэта за горькую нежность // С каждым стихом проливалась кровь. // Жребий поэтов — бичи и распятыя. // Каждый венчался терновым венцом. // Тот, кто слагал вам стихи про объятья, // Их разомкнул и упал — мертвецом!» (с. 70). Два стиха из 16 (4-й и 12-й) благодаря пропуску слабого слога после предпоследнего и перед последним иктом

² Ср.: «Его первые стихи, по собственному признанию, — “ужасно плохие”, в печати появились в 1904 году. Нервный, талантливый и восприимчивый юноша был ушиблен символизмом и не мог не отдать дань новому модному литературному течению. Он писал о “Вечных Гранях”, “Предвечном Законе”, “Последнем Суде” (обязательно с большой буквы) и, подражая старшим современникам, восклицал: “Призрак счастья тускл и дробен. / Жизнь — томительный обман” [Евграфов, 2007].

³ Можно предположить, что в названии стихотворения и посвящении отразились впечатления молодого поэта от действительно неоконченной пьесы (мистерии) А. Белого «Антихрист», впитавшей, в свою очередь, мотивы «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева. Белый работал над ней в 1898 г. и опубликовал только два отрывка: «Пришедший» в «Северных цветах». Третьем альманахе книгоиздательства «Скорпион» (М., 1903) и «Пасть ночи» в первом номере «Золотого руна» за 1906 г.

(«С каждым стихом проливалась ▼ кровь» и «Слишком уверенный шаг ▼ судьбы») могут трактоваться как близкие, но не идентичные формы 4-ударного дольника. Впечатляющим ритмическим курсивом, как дрогнувшим голосом, выделяются самые ответственные по смыслу фрагменты текста: в первом случае это нешуточная (кровавая) расплата за «горькую нежность» любви, во втором — «легкий уклон» «слишком уверенного шага Судьбы». Ритмические перебои уравниваются зеркальным отражением первого катрена в последнем: «В сердце Поэта за горькую нежность // Темным вином изливается кровь... // Самая хмельная боль — Безнадежность, // Самая строгая повесть — Любовь!» (там же).

Десять лет спустя появилось еще одно стихотворение, написанное 4-стопным дактилем, — «Швея» («Ночью и днем надо мною упорно...») (3 марта — 30 декабря 1917), в котором социальные мотивы совмещаются с мистическим предчувствием смерти. Образ лирического героя предельно объективирован: несчастный больной человек прислушивается к стрекоту швейной машинки, отождествляя швею с мифологическими мойрами или парками, прядущими нить человеческой судьбы. Впрочем, заглавный символ, подобно мифу, если и не представляет собой функцию с бесконечным количеством значений, во всяком случае, амбивалентен: «Слушая стук над моим изголовьем, // Друг мой, как часто гадал я без цели: // Клонись ты лик свой над трауром вдовьим // Иль над матроской из белой фланели?» (с. 103). С одной стороны, это «жизни родное биенье», а с другой — «взмахи кадила, слова панихиды». Обращаясь к длинным 4-стопным дактилям со сплошными женскими окончаниями, Ходасевич актуализирует шлейф привычных ассоциаций, отсылающих к жанровым зарисовкам Некрасова и Блока.

Любопытный синтез разнородных строфических модификаций являет собой стихотворение «Странник прошел, опираясь на посох...» (11 или 13 апреля 1922, Петроград): «Странник прошел, опираясь на посох, — // Мне почему-то припомнилась ты. // Едет пролетка на красных колесах — // Мне почему-то припомнилась ты. // Вечером лампу зажгут в коридоре — // Мне непременно припомнишься ты. // Чтоб ни случилось, на суше, на море // Или на небе, — мне вспомнишься ты» (с. 145).

Восьмистишие с рифмовкой *AbAbCbCb* можно рассматривать как дериват учетверенной газеллы с намеком на триолет и сицилиану. Все четные стихи скреплены тавтологической рифмой, причем 2-й и 4-й повторяются полностью, а 6-й и 8-й — частично. Образ любимой преследует лирического героя как наваждение: «на суше, на море // или на небе», и в настоящем, и в будущем.

Замыкает группу дактилических четырехстопников Ходасевича знаменитая миниатюра из трёх двустушии «Было на улице полутемно...» (23 декабря 1922 Saarow). Описывается обыкновенная

трагедия большого города: кто-то выбросился из окна, удовлетворившись парадоксальным «счастьем» увидеть мир «хоть на миг — а иной» (с. 164). Ирония распространяется не только на это сомнительное счастье, но и на странность картины мира, увиденного при падении «вниз головой».

Образная партитура стихотворения напоминает монтажный план в кинематографе: полусумрак сменяется промельком света, за ним следует сорвавшаяся со стены «быстрая тень» падающего тела самоубийцы, звуковой сигнал «стукнувшего где-то под крышей окна» находит поддержку в динамике взвившейся занавески, и в финале трагическим катарсисом оборачивается рокировка точки зрения — лирический герой переживает чужую катастрофу как свою собственную⁴. Таким образом, длинный 4-стопный дактиль, срифмованный как перекрестно, так и параллельно, в исполнении Ходасевича передает в основном безрадостные трагические мотивы в лирических медитациях и жанровых бытовых сценках, символически переосмысляющих близость «мира иного». В целом, трактуя эмфатические ореолы размера, поэт придерживается традиционной минорной тональности, которую он приобрел еще в XIX в.

3. Четырьмя стихотворениями представлены разноstopные комбинации из 4-х и 3-х stopных дактилей. Два из них — равномерное чередование (Д4343): «В сумерках» («Сумерки снежные. Дали туманные...» (5 ноября 1904) (A'bA'b); «Достижение», 3 («Что это? Что это? Толпы врагов?..») (18-19 января 1905), (aBaB); одно — Д4443: «Полно рыдать об умершей Елене...» (1906) (AbAb) и еще одно — редкой конфигурации Д4433: «Ты о любви мне смятенно лепечешь...» (19 декабря 1917) (XXXX).

Наибольший интерес вызывает ритмическое строение первого стихотворения с характерным названием «В сумерках». Ожидаемого эффекта от контраста длинных и коротких строк не ощущается. Объясняется это тем, что нечетные 4-стопные стихи, имеющие дактилические окончания, вплотную, без метрических зазоров смыкаются с четными, 3-стопными, раскатывая непрерывные акаталектические цепи на семь стоп: «Сумерки снежные. Дали туманные. Крыши гребнями бегут. // Краски закатные, розово-странные, Над куполами плывут» (с. 194). Общая «сумеречная» тональность, свойственная дактилической каденции в целом, поддерживается едва ли не на всех уровнях художественной

⁴ Ср.: «Чем не мгновенный кинокадр, в котором есть все: и звук, и свет, и динамика, и напряженная атмосфера надвигающейся катастрофы, и резкая, неожиданная, шокирующая смена ракурса в двух заключительных строках. Стоящая под ударением буква «а» заставляет слова «счастлив» и «падает» звучать, как крик. Крик отчаяния, и одновременно освобождения, избавления от рутин, морока и несуразностей жизни» [Миллер]. Здесь, конечно, не обойтись без уточнения: под ударением стоит не буква, а звук...

системы. На уровне лирической темы развивается мысль о неизбежном одиночестве всех людей на земле, лирический герой, слушая пение соседа за стеной, оплакивает их горькую участь. На уровне реалий, образующих поэтический мир стихотворения, как на пространственной, так и на временной оси координат, выстраиваются лаконичные, но в высшей степени выразительные детали: «сумерки *снежные*», «дали *туманные*», «крыши гребнями бегут», «краски *закатные, розово-странные*», плывущие «над куполами», «огни, тихо, и *грустно, и сладостно*» смотрящие «из окон», «звон *колокольный*», вливающийся «*благостно*», — все это в совокупности не может не настраивать на элегический лад. Обратим также внимание на обильные постпозитивные эпитеты, которые не только усугубляют заунывную репутацию дактилической каденции, но и сверх того сами обладают дактилическими окончаниями на словоразделах. И по длине, и по внутренней структуре 7-стопные акаталектические цепи выглядят как супердактили.

Совсем другую картину наблюдаем в чередовании 4-стопных мужских и 3-стопных женских дактилических строк в 3-й части лирического цикла «Достижение»: «Что это? Что это? Толпы врагов? // Люди ли, призраки ль это? // Я ль не дойду к Тебе, Бог из Богов? // Вижу движенья запрета» (с. 203). Здесь каждый стих автономен, а потому колебание 4-х — и 3-стопников достаточно ощутимо для того, чтобы вылиться в характерную ритмическую структуру, подчеркивающую синтаксическую дробность текста⁵, особенно, как мы видели, в первой и заключительной, третьей строфе: «Молча смыкаетесь? Эй, мертвецы!// Пусть ваши лица и строги — // Я не боюсь вас, немые бойцы! // Я нападаю! С дороги!» (там же). На 8 стихов приходится 11 предложений и соответственно столько же знаков препинания (одна точка, шесть вопросительных и четыре восклицательных знака)! Глубоко эмоциональные паузы, не столько фиксирующей, сколько вопросительной и восклицательной модальности, членят текст на сверхкороткие синтаксические звенья, часть которых, при совпадении стопо- и словоразделов, не затемняют, а форсируют дактилическую каденцию. Учитывая, что разбираемое стихотворение коррелирует с тремя другими частями цикла, а также с примыкающим к нему соседним стихотворением того же названия (правда, во множественном числе) «Достижения» («Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца...») (22 января 1905), о его содержании можно адекватно судить, лишь анализируя весь интертекст⁶.

⁵ Близкую к парцелляции.

⁶ Обоснованность такой методики подтверждается и на метрическом уровне: все пять стихотворений, написанные трехсложниками, можно интерпретировать как трехсложники с вариацией анакрузы, где анакруза меняется не от стиха к стиху, а от стихотворения к стихотворению: Ам3+Ан3(2)+Д4-3+Д3+Ам4-3.

В первом стихотворении цикла «На небе собираются тучи...» лирический герой в тревоге: он одинок, ему «темно и бездольно», он страшится неких «нездешних»; встреча с ними не сулит ему ничего доброго; их «меч» уже «звякает» о его «щит». Во втором стихотворении «Я очнулся. Вдали, на востоке...» он обращается к обожествляемому им Солнцу, прорываясь к нему сквозь «нависшие тучи», после чего в анализируемой нами 3-й части его смятение нарастает, достигая своего апогея, что выражается в лавине недоуменных вопросов, конфликтное напряжение конкретизируется за счет идентификации поначалу неопределенных «врагов», растворенных в абстрактных «толпах»: «Люди ли, призраки ль это?»; к финалу статус их проясняется: «Эй, мертвецы!», «немые бойцы» (с. 203). Заключительная 4-я часть представляет собой экстатический гимн «Богу Богов» Солнцу, к которому прорвался-таки лирический герой сквозь несметные полчища темных сил; умирая от ран, он с удовлетворением «слышит безмолвный ответ»: «Вольным хотениям — слава... // Павшим за волю — привет!» (с. 204). Главным среди «достижений» лирического героя оказывается неумное стремление сочетать «победный венец // И трепетный венчик мучений». Сила преодоления, «стихийная сила хотенья», сулит ему — даже посмертно — «иную возможность торжеств»: а именно в конечном счете «мечту Воскресенья» (с. 205).

Альтернанс 4-х — и 3-стопного дактиля, таким образом, включенный в полиметрическую композицию, состоящую из крупных блоков-стихотворений, написанных трехсложниками, сохраняет общие для дактилей Ходасевича тематические, жанровые, интонационные и эмфатические ассоциации, суммарным выражением которых может служить финальное четверостишие «Достижения», 4: «Взор огневого светила. // Блещет закат в небесах. // Тают последние силы... // Черные бездны — в глазах» (с. 204).

В двух других стихотворениях 4-х — и 3-стопные дактили komponуются нетрадиционно: в миниатюре 1916 г. три четырехстопника замыкаются укороченным на стопу стихом: «Полно рыдать об умершей Елене, // Радость опять осенила меня. // Снова я с вами, нестрашные тени // Венецианского дня!» (с. 275), в стихотворении же, датированном 25 февраля, 19 декабря 1917 г. «Ты о любви мне смятенно лепечешь...» пара 4-стопных стихов сменяется парой 3-стопных: «Ты о любви мне смятенно лепечешь // Лепетом первой девической страсти... // Что же ответить на эти // Тщетные детские клятвы?» (с. 278).

В первом случае, словно в продолжение «Достижения» и «Достижений», всплывают уже не внушающие страха «тени», оксюморонно сопряженные с «венецианским днем». Во втором — белые, со сплошными женскими окончаниями стихи излагают грустную

повесть о невозможной любви: для лирической героини — преждевременной, для лирического героя — запоздалой, а потому безответной. Катрены, состоящие из неравновеликих стихов, отчасти напоминают античные логоэдические строфы. И на этот раз, как, впрочем, и в целом, существенной разницы между 4-х — и 3-стопным дактилем не прослеживается: в обоих случаях преобладают сумеречные, закатные тона элегического плана.

4—5. Наконец, самым эффектным и в то же время традиционным эмфатическим ореолом окружены два единичных употребления супердлинных дактилических стихов, в 5 и 6 стоп: «Весной» («В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов...») (<1916>) и «Утра» («Ты не прохладный дымок подмосковных осенних туманов...») (<1930-е гг.>). Античное происхождение обоих размеров не вызывает сомнения. И тот и другой однозначно напоминают имитации гекзаметра или элегического дистиха, в основе которых лежит дактилическая каденция: «В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов, // В скрежете конских, отточенных остро подков, // Сердце закружено, словно челнок Арионов, // Сердце недвижно, как месяц среди облаков. // Возле стены попрошайка лепечет неясно, // Гулки льдины по трубам срываются с крыш... // Как шаровидная молния, сердце опасно — // И осторожно, и зорко, и тихо, как мышья» (с. 241).

Стихотворение «Весной» представляет собой жанровую зарисовку современного города с типичными для него звуками «яростного вопля» вагонов конки, «скрежета» «отточенных остро подков» битюгов, гулко падения льдин, срывающихся по водосточным трубам с крыш, и — по контрасту — неясного лепета попрошайки. Для изображения сердечных перегрузок Ходасевич употребляет на редкость выразительное наречие «закружено» и неожиданные сравнения сердца с Арионовым челноком, шаровидной молнией и мышью. «Сердце закружено, словно челнок Арионов» — прямая отсылка к Овидиевым «Фастам»⁷, к соответствующим метрическим формам и к пушкинскому варианту знаменитой античной легенды.

6-стопный дактиль «Утра» может рассматриваться в разделе античных имитаций как дериват элегического дистиха; его аффективные ореолы полностью соответствуют идейному замыслу стихотворения с щемящей ностальгической грустью по поводу невозможности снова вдохнуть «прохладный дымок подмосковных осенних туманов» (с. 301) и равным образом универсальному, как мы убедились, элегизму всех дактилей Ходасевича без исключения.

⁷ В кн. 2 под 4 февраля.

Список литературы

- Гоголь Н. В.* Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1976. Т. 2.
- Евграфов Геннадий.* Путем зерна. Владислав Ходасевич шел от безмерности к мере // Независимая газета. 2007. 25 окт.; см. также: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2007-10-25/5_zerno.html
- Миллер Лариса.* С пятого на десятое // Сайт Ларисы Миллер (http://www.larisamiller.ru/s_5_na_10.html)
- Федотов О.И.* Шестипалые «дактили» Владислава Ходасевича // Русская литература XX—XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. Мат-лы Второй Междунар. конф. 16—17 ноября 2006 г. М., 2006.
- Федотов О.И.* Метрика и ритмика Владислава Ходасевича. 1. Имитации античной метрики и силлабики // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 149. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 2. Казань, 2007.
- Федотов Олег.* Духовный диалог с самим собой: (Сонетный мини-цикл В. Ходасевича *Про себя*) // Literatura rosyjska XVIII—XXI w. Dyalog idei i poetyk. Łódź, 2008.
- Федотов О.И.* Логаэды в метрике Владислава Ходасевича // Русская литература XX—XXI в: проблемы теории и методологии изучения. Мат-лы Третьей Междунар. науч. конф., 4—5 декабря 2008 года. М., 2008.
- Федотов О.И.* Жанрообразующее значение личностного начала в «Балладе» Владислава Ходасевича // Личность в межкультурном пространстве. Мат-лы IV Междунар. конф., посвященной 50-летию Российского университета дружбы народов: В 2 ч. Ч. 1. М., 2009.
- Федотов О.* Поэтика сонетов Ходасевича // Метапоэтика: Сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus»: В 2 ч. Вып. 2. Ч. 1. Ставрополь, 2010.
- Федотов О.И.* Содержательные приоритеты анапестов у Ходасевича // Отечественное стиховедение. 100-летние итоги и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. 25—27 ноября 2010 г. СПб., 2010.
- Ходасевич Владислав.* Стихотворения (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1989.

Сведения об авторе: *Федотов Олег Иванович*, докт. филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования. E-mail: o.fedotov@rambler.ru